

Т. А. Крюковой, когда она, рассматривая различные функции вышивки, теряет из поля зрения самый предмет исследования?

Отмечая весьма существенные недостатки книги, нельзя отрицать и ее положительного значения. Публикация материалов по марийской вышивке, без сомнения, окажет влияние на дальнейшее развитие национального марийского искусства.

Учитывая это, необходимо всемерно совершенствовать практику издания работ по изобразительному искусству народов нашей многонациональной Родины.

В. Белицер

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Словацкие сказки. Перевод со словацкого Д. А. Горбова. Художественное оформление В. И. Таублера. ГИХЛ, М., 1950.

Фольклор словацкого народа, как и весь славянский фольклор, отличается большой художественностью, разнообразием и высокой степенью развития. СобираТЕЛЬСКАЯ работа в Словакии также была развита. Богат и иллюстративный этнографический материал, который может быть использован для фольклорных изданий. Между тем сборник «Словацкие сказки», хотя и заключающий много ценного, носит несколько случайный характер и не дает достаточно полного представления о богатстве народного творчества словаков. Случайность его характера объясняется тем, что рецензируемый сборник является в основном переводом школьного издания сказок, подобранных из пятитомного свода сказок Подивки, тексты которого были записаны собирателями с половины прошлого века, а отчасти из самого свода. Заимствование текстов из школьного издания сказок наложило на сборник особый отпечаток и снизило его научную значимость. Сказки школьного сборника, конечно, были подобраны с учетом потребностей средних учебных заведений в буржуазной Чехословакии. Отсюда притупление социально-острых моментов, характерных для народной сказки. Собиратели, редакторы, издатели старательно сглаживали «острые углы». Качество сборника снижает также то, что тексты, помещенные в нем, возможно уже во время записи (часть их была записана около 100 лет назад), подверглись редактированию. Собиратели в поисках наиболее древней «первоначальной редакции» по своему усмотрению отбрасывали в подлинных текстах все, что отражало современную действительность. Вследствие этого народный быт словаков даже того времени представлял в сказках архаизированным. При чтении текстов рецензируемого сборника это ясно ощущается.

Сборник «Словацкие сказки» содержит 28 текстов. Преобладают волшебные сказки (около половины), сатирически-бытовых — четвертая часть, кроме того, имеются сказки о животных и подбор преданий о Яношике.

Словацкие сказки — творчество народа, жившего в XIX в. в условиях развитых феодально-крепостнических отношений; эти сложные социальные отношения и отражены в сказках; влияние капитализма чувствуется в них гораздо слабее. Сказки отличаются в то же время глубокой народно-поэтической традицией.

Словакия в прошлом была страной по преимуществу отсталого сельского хозяйства, что резко отличало ее от индустриальной Чехии. Поэтому город в сказках бледен и условен, торговля упоминается только на ярмарках; основные действующие лица — крестьяне; изредка выведенные мастеровые — главным образом тоже деревенские ремесленники (кузнец, колесник, мельник, скорняк и т. п.).

Отходничество в сказках идеализировано: именно молодежь, ушедшую из деревни на несколько лет, ждут в пути необычайные удачи: «Кто по свету походит, тот всегда чего-нибудь раздобудет» (стр. 148). В этом сказалось стремление словацких крестьян вырваться из ограниченной скудной жизни деревни. Любопытно, что животных-путешественников хозяева избы, где они остановились на ночлег, принимают в темноте за мастеровых (очевидно, бродячих): рак — портной с ножницами (клевнями), утка — ткач с челноком (клювом), конь — сапожник с колодой (копытом). Обычно место действия в сказках — замок (скорее напоминающий обыкновенную помещичью усадьбу, несмотря на золото и драгоценные камни, которыми он разукрашен) или крестьянская изба. При этом в большинстве сказок главным действующим лицом и в замке является так или иначе попавший туда бедняк — слуга или пленник; смысл сказки — посрамление им владельцев замка, а не условная роскошь жизни феодалов, их турниры, «волшебство» и пр. (сказки такого рода, хотя и есть в сборнике, но отличаются наибольшей книжностью и наименее художественны). Демократизм волшебных сказок роднит их с остальными сказочными жанрами словаков: наиболее насыщенными бытовым материалом и простыми по поэтике сатирическими сказками и животным эпосом. В фантастике сказок выступает извечная мечта народа о плодо-

творном труде, о техническом прогрессе (так, герой, которого серна ведет по лесу ночью, видит перед собой «живые огоньки» на кончиках ее светящихся рожек; чудесная мельница, доставшаяся бедняку, производит готовый хлеб, жаркое, фрукты при его заветном слове).

В сказках встречается отражение общественно-политического устройства, сохранившегося еще приблизительно до XVIII в.; в них появляются вербовщики в армию, суд сопровождается пытками на колесе, подвешиванием за ребро и т. д.

Жизнь слуг в замках очень тяжела, они страдают от беспредельной жестокости и произвола со стороны не только самих владельцев, но и более привилегированных слуг: так, лесника Янко, возбудившего удачной охотой зависть старшего лесника, тот приказывает ежедневно избивать шомполами («Лесник Янко и три собаки»); знахарь-отгадчик насильно заперт для гадания у «владелицы замка».

Отчетливо проступает в сказках социальный антагонизм трудовых слоев общества и их угнетателей. Противниками крестьянина (овчара, земледельца), короля, корового слуги (конюха, лесника, повара) выступает неизменно «пан» — землевладелец, феодал или «барыня», король, поп. Последние выведены всегда гротескно и ярко. Пан, у которого крестьянин перебил его челядь, в отчаянии: «Что я теперь делать буду без слуг? Если никто не станет на меня работать, я с голоду помру» (стр. 97). В другой сказке иронически говорится: «Ну, а завелись деньги, так и жена поумнела: разве богатые глупыми бивают?» (стр. 176). Королевская дочь, выданная отцом за лесника по данному королем обязательству, стыдится брака с ним и стремится причинить ему зло. О многом говорит включенная в сказку поговорка: «В лесу волк — барин».

Торжествует в сказках всегда представитель социально-угнетенной стороны: судья, желающий рассудить тяжбу богача с бедным соседом в пользу первого, оказывается одураченным («Женская мудрость»); попов работник заставляет своего жадного хозяина буквально глясать под его скрипку («Веселая скрипка»). Характерно пародийное изображение дворянских нравов и обычаев, например, дуэли. Волк вызывает на дуэль обманувшего его сапожника, причем секундантами того являются кот с «саблей» — хвостом и хромой пес. В этой же сказке звучит протест и против засилья церковников: волк-неудачник решает стать священником, — пока он выгнем отпелвал издохшего козленка, привлеченные этим крестьяне избили его цепями.

Наибольшей социальной остротой в сборнике отличаются предания о народном герое XVIII в. Яношике. По стилю они близки к русским преданиям о Степане Разине. Это — тип «благородного разбойника, нападающего на замки и раздающего добычу беднякам. Характерен повод, по которому Яношику пришлось уйти в разбойники: к его отцу-крестьянину пришел помещик требовать налог, и Яношик, возмущенный поведением слуг, избил барскую челядь. Став атаманом, он помогает деньгами случайно захваченным в плен студентам, которых он сначала заставляет рассказать себе и своим «хлопцам» — «неученные они были», «чему в университете учат», — так велика его жажда знания. Выставленное против него войско он склоняет на свою сторону. Преданный, несмотря на свою почти полную неуязвимость, и схваченный врагами, он отказывается от предложения короля о переходе на его службу и идет на казнь с песней. Перед смертью он ничего не сказал ни о своих товарищах, ни о скрытых им кладках. Пойски этих кладов (например, груза дуков, отнятых Яношиком у королевской охраны, везшей их в казну из чеканки) составляют содержание ряда преданий. В образе Яношика вольнолюбивый словацкий народ видел своего защитника, борца против помещиков-богачей и против иностранных поработителей, против которых сражался Яношик со своими «хлопцами».

Тексты преданий о Яношике отличаются по своей социальной заостренности от остальных текстов сборника, что не случайно, так как они частично взяты из другого словацкого издания и затем кантаминированы.

Текстам сборника предпослано краткое предисловие. В нем декларативно говорится о «художественных достоинствах и содержательности» словацкого фольклора; без раскрытия на конкретном материале приведены две цитаты из А. М. Горького об оптимизме народного творчества и о необходимости для создателя образа народного героя самому участвовать «в творчестве действительности»; о социальном протесте, звучащем в фольклоре, сказано также общо, лишь с беглым упоминанием Яношика и Попельвара — представителей угнетенного крестьянства. Интерес представляет указание на общность словацких сказок с русскими.

Значительным недостатком является то, что предисловие не вводит читателя в историю и экономику народа, применительно к публикуемому фольклорному материалу. Соответствующий раздел предисловия желателен, так как он помог бы понять мировоззрение народа, отраженное в фольклоре, «обстановку», в которой он создавался и бытует. Без такого раздела отображение в сказках реальной трудовой жизни народа в определенный исторический отрезок времени во многом неизбежно ускользнет от читателя.

В сборнике же «Словацкие сказки», при полном отсутствии паспортизации, неизвестно даже, когда и в какой части Словакии был записан тот или иной текст, какие этнографические особенности района его записи могли здесь отразиться.

Мало дает для ознакомления с бытом словаков и иллюстративный материал книги: в ней имеются лишь заставки к каждой сказке в стиле народного орнамента.

в основном растительного. Обложка — двухцветная, под синюю набойку. Издание значительно бы выиграло, если бы были помещены рисунки и фотоснимки этнографического характера: типы словakov в национальных костюмах, жилище, орудия и утварь, пейзажи Словакии и т. п.

В языке сказок местами чувствуется литературная обработка, производившаяся собирателями с целью их «облагораживания»: несвойственный народной речи усложненный синтаксис с обильным придаточных, в особенности деепричастных, предложений, смягченная лексика, лишь с местами прорывающимися меткими и грубоватыми выражениями. Степень обработки некоторых текстов напоминает украинские сказки Гоголя (см. «На всех не угодишь»). Так, вводная часть к преданиям о Яношике — с точным географическим описанием местностей, где действовал отряд Яношика, — составлена, несомненно, самим собирателем, с целью показать просторы своей родины и занимаемое ею положение в центре Европы. «Представь себе обильные леса и водами пространство, омываемое Рымавой, Сланей, Гроном, Горнадом, Попрадом, Вахом, Оравой, Турцем, Нитрой, Кисуцей и граничащее с Моравией, Силезией, польской Галицией, а на юге доходящее до Дуная. Вот там и появился в 1711 году настоящий Яношик» (стр. 33).

Несколько слов о переводе. В основном он отличается достаточной художественностью. Вообще Д. А. Горбов известен как добросовестный переводчик. Своеобразный колорит придает языку сказок сборника помещение глагола на последнем месте и сохранение этого даже в ритмизованных предложениях в «общих местах»: конь начал «с борозды на борозду, с межи на межу, с полосы на полосу скакать» (стр. 120). Некоторые шероховатости все же останавливают внимание. Непонятно, что значит выражение «лепешки из золы», — вероятно, испеченные в золе, как об этом способе говорится в сказке «Три прачки». Не по-русски звучит выражение «изблизил стал мантий»; в то же время своеобразие словацкой народной речи нарушается русизмами вроде: «по гóрам, по долам», «смотрит как баран на новые ворота» (стр. 121). Неточность перевода дала противоречие: название сказки «Пастух Янко и прекрасная змейка», а в тексте ее Янко «увидал под деревом страшную змею». Неудачен перевод понятия «знахарь» — «пророк».

Издание сказок словацкого народа в настоящее время, при интересе советской общественности к странам народной демократии, очень своевременно. Но картина Словакии, вырисовывающаяся в сказках, не соответствует ее состоянию на сегодняшний день. При издании старинных сказок, изменив и самый подбор их, надо было говорить, что это — прошлое народа, и дать хотя бы краткое описание происходящей сейчас в Словакии упорной борьбы за перестройку труда и быта, перспективы ее на будущее.

Можно пожелать, чтобы в ближайшее время был подготовлен и издан больший по объему, более современный по времени записи текстов, комментированный сборник словацких сказок, что дало бы возможность советскому читателю ближе познакомиться с народным творчеством Словакии.

Р. Лунец

НАРОДЫ АФРИКИ

A. T. Bryant, *The zulu people. As they were before the white man came.* Pietermaritzburg, 1949.

Автор книги — миссионер, проживший среди зулусов около полусотни лет. В течение многих лет он работал преподавателем языков банту в университете Витватерсранда (Южно-Африканский Союз). В 1903 г. он опубликовал зулу-английский словарь, в 1929 г. — капитальное исследование по зулусам: «Старые времена в Зулуленде и Натале». Настоящая книга является его последней работой, обобщающей его личные наблюдения и исследования в течение полустолетия. Автор использовала всю вышедшую до сих пор литературу по истории и этнографии зулусов. Рецензируемая работа может рассматриваться поэтому как последняя, наиболее полная сводка наших знаний по зулусам, какими они были до порабощения их английским империализмом, сделанная наиболее компетентным человеком.

Автор — не только знающий жизнь зулусов человек. В отличие от подавляющей части буржуазных историков и этнографов африканских народов, банту в частности, он человек честный, его симпатии на стороне зулусов. Свой труд он посвящает зулусам — «моим компаньонам и друзьям».

Давая обстоятельную, пространную характеристику антропологического типа зулусов, он восхищается их физической красотой, «Зулусы пользуются широко известной и заслуженной репутацией очень красивых людей. Они и на самом деле красивы» (стр. 92). Автор дает правильное объяснение черного цвета кожи негритянского антропологического типа, указывая на его защитную функцию (стр. 100).